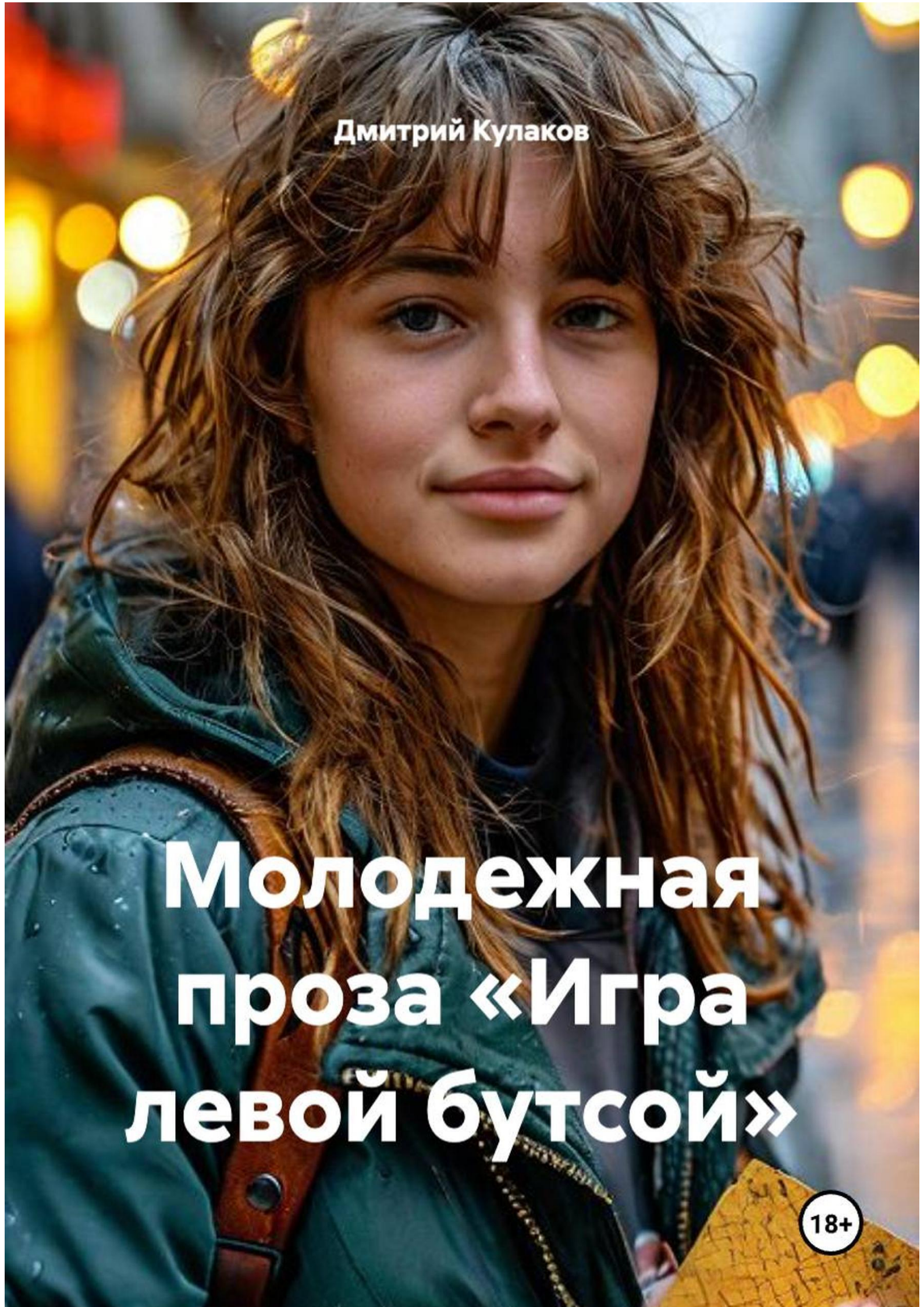

Дмитрий Кулаков

**Молодежная
проза «Игра
левой бутсой»**

18+

Дмитрий Кулаков

**Молодежная проза
«Игра левой бутсой»**

«Автор»

2026

Кулаков Д.

Молодежная проза «Игра левой бутсой» / Д. Кулаков — «Автор»,
2026

Золотая медаль жгла карман, а впереди сиял огнями лучший ВУЗ страны. У Альбины Семёновой был идеальный план: красный диплом, научная кафедра и жизнь по расписанию. Но всё изменилось в одну дождливую ночь, когда она встретила Никиту Валерьевича — капитана сборной района, короля дворового футбола и парня с повадками дикого зверя. Их миры не должны были пересечься. Она знает валентность углерода, он отличает кроссовки по запаху резины. Одна случайная партия в карты, один спасенный голубь и одна ошибка на мокрой крыше гаража разделили её жизнь на «до» и «после». Когда хруст костей заглушает шум стадиона, золотая медаль теряет свой блеск. Сможет ли отличница вылечить разбитые колени чемпиона, если лечить придется его самого? И кто спасет её, когда рухнет карточный домик собственных надежд? История о первой любви, пахнущей хлоргексидином, мазью Вишневского и сиренью. О том, как важно вовремя сделать рокировку, чтобы спасти своего короля.

© Кулаков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Асфальт, нагретый июлем	5
Глава 2. Четыре туза и одно правило	8
Глава 3. Закон сообщающихся сосудов	11
Глава 4. Чужая территория	14
Глава 5. Джокер в рукаве	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Кулаков

Молодежная проза «Игра левой бутсой»

Глава 1. Асфальт, нагретый июлем

Июль в их городке плавил не только асфальт, но и мозги. Альбина Семёнова сидела на перилах старой автобусной остановки, спасаясь от жары в жидкой полоске тени, и пыталась спасти голубя. Птица лежала на боку, тяжело дыша открытым клювом, а рядом растекалась лужица воды из опрокинутой миски — Альбина поставила её здесь час назад, когда бежала с дополнительных по химии.

— Тише ты, дурачок, — шептала она, осторожно поглаживая сизое крыло кончиками пальцев. — Сейчас «скорая» приедет. То есть ветеринарка. Я Веру Аркадьевну вызвала, она через десять минут будет.

Голубь смотрел на неё мутным черным глазом, в котором отражалось безжалостное белое солнце.

— Опять животинку подобрала? — раздался над головой знакомый голос, который в любую другую погоду заставлял её внутренне вздрагивать чуть сильнее, чем следовало бы.

Никита Валерьевич перекинул футбольный мяч с колена на колено. От него пахло разогретой резиной кроссовок, пылью стадиона и мятной жвачкой. Под левым глазом наливался багровым свежий синяк — привет от вчерашнего полуфинала по дворовому футболу. Форма сборной школы была небрежно накинута на плечи, бутсы оставляли на пыльном асфальте кри-вые следы.

— Не опять, а снова, — строго поправила Альбина, не поднимая головы. — У него тепловой удар. Люди падают, и птицы падают. Разуй глаза, Ник, весь двор как сковородка.

Она достала из рюкзака бутылку минералки, открутила крышку зубами и капнула пару капель голубю в клюв. Тот судорожно сплотнул.

— Если он коньки отбросит до прихода ВерАрка, я буду виноват? — Никита присел на корточки рядом, упираясь локтями в колени. Его тень упала прямо на птицу, даря ей несколько градусов прохлады. — Или мне его теперь в список своих поражений записать? Между проигрышем в шахматы Лёхе Смирнову и тем пенальти?

— Запиши, — фыркнула Альбина. — Только попробуй пошутить про это при пацанах, пожалеешь. И вообще, у тебя рука дрожит.

Его правая ладонь действительно мелко подрагивала. Альбина заметила это еще месяц назад, после того самого полуфинала, но спросить напрямую всё не решалась. Это было слишком личным для человека, который привык решать чужие проблемы, но панически боялся лезть в свои.

— Судорога, — соврал Никита, пряча руку за спину. — Перебегал вчера. Слушай, Белка, может, ну его? Природа, естественный отбор. Он же уличный.

Альбина медленно повернулась к нему. Её зеленые глаза потемнели от возмущения. Она знала Ника с детского сада, помнила, как он ел песок в песочнице и плакал, разбив коленку, но такого жестокого равнодушия от него не ожидала. Для всех остальных он был просто звездой спортплощадки, первым парнем на районе, который мог одной левой решить контрольную по алгебре, если бы хоть раз открыл учебник. Но она-то видела другое. Видела, как прошлой зимой он отдал свою куртку продрогшей первокласснице, хотя сам потом чихал две недели.

— Твой естественный отбор закончился бы в пять лет, если бы твоя бабушка не притащила тебя, облеванного ангиной, в больницу, — тихо сказала она. — Потому что мама была

на смене, а отцу было плевать. Так что заткнись со своим футболом и держи тень. Солнце ему сейчас хуже смерти.

Никита замолчал. Синяк под глазом вдруг показался Альбине не признаком крутости, а чем-то уязвимым. Она впервые посмотрела на него не как на вечного соседа по лестничной клетке, которому можно оставить ключи от квартиры, а как на семнадцатилетнего парня, у которого завтра утром игра за сборную города, а вечером нужно делать вид, что разбитая губа — это ерунда.

Он молча снял с плеч олимпийку, сложил её вчетверо и аккуратно подложил под голову птицы. Затем встал так, чтобы полностью закрыть голубя от солнца своей спиной.

— Дура, — буркнул он, глядя куда-то поверх её макушки. — Сама тут спеклась уже. На тебе.

Он протянул ей наполовину пустую бутылку ледяной воды. Их пальцы соприкоснулись. Альбину словно током ударило — не больно, но так, что перехватило дыхание и зазвенело в ушах. Бутылка едва не выпала из рук. Чтобы скрыть предательский румянец, она сделала большой глоток. Вода была сладковатой от остатков энергетика.

— Фу, гадость какая, — выдохнула она, возвращая бутылку. — Зато бодрит, — усмехнулся Никита, и уголок его рта дернулся вверх. — Как твои уроки сольфеджио. Тоже та еще пытка.

Они замолчали. Где-то вдалеке гудел поезд, сигнализала машина во дворе, кричали дети на площадке. Обычный летний шум. Но внутри остановки, в этом прямоугольнике густой тени, время будто загустело. Альбина смотрела на то, как двигается кадык на шее Ника, когда он сглатывает, как поблескивают крошечные капли пота на его висках. Ей хотелось провести по ним пальцем. Эта мысль была такой внезапной и острой, что она испугалась саму себя. Еще вчера они обсуждали, кто пойдет покупать хлеб, а сегодня она готова дотронуться до его лица.

— Знаешь, почему я всегда выигрываю в дурака? — вдруг спросил Никита, прерывая неловкую тишину. Он все еще стоял, закрывая собой птицу, и говорил немного хрипло. — Потому что мухлюешь? — предположила Альбина, пытаясь вернуть привычную легкость в общении. — Нет. — Он покачал головой. — Потому что смотрю людям в лицо, а не в карты. Вот ты сейчас пытаешься сделать вид, что ничего не происходит. А сама покраснела так, что скоро этого голубя своим жаром добьешь.

Сердце Альбины пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в район кедров. Воздух вокруг стал густым и тяжелым, как перед грозой. Голубь слабо шевельнул крылом, царапнув когтем ткань олимпийской сборной России.

— Ты... ты заметил? — голос прозвучал тише, чем шелест листьев ближайшего тополя. — Заметил, — просто ответил он. — Месяц назад. Когда ты смеялась над моей шуткой про физичку, а сама смотрела на мои губы. Думал, показалось. Сегодня понял — нет.

Он наконец сделал шаг вперед, выходя из-за спины обратно на свет. Сократив расстояние между ними до опасного минимума. Теперь Альбина чувствовала тепло, исходящее от его кожи.

— Альбин, — позвал он, и его голос сел окончательно. — Можно я?..

Он не договорил. Наклонился совсем близко. Альбина зажмурилась, вцепившись побелевшими пальцами в край бетонной остановки, готовая провалиться сквозь землю или взлететь. Она понимала, что сейчас произойдет нечто необратимое, что разделит её жизнь на «до» и «после».

За углом истошно завизжали тормоза старенькой «Нивы». Из машины выскочила полная женщина в цветастом халате — Вера Аркадьевна, местный ветеринар-самоучка.

— Живы?! — крикнула она, размахивая синей пластиковой коробкой-аптечкой. — Чего замерли, молодежь? Солнцепека никогда не видели? А ну быстро взяли птицу! Аккуратнее, крылья не переломайте!

Момент лопнул, как натянутая струна. Никита резко отшатнулся назад, споткнулся о собственные бутсы и чудом удержал равновесие. Лицо мгновенно стало непроницаемой маской спортсмена. Альбина схватила голубя вместе с олимпийской курткой и почти бегом бросилась навстречу ветеринару. Руки тряслись так сильно, что птица казалась живой ртутью.

— Осторожно, говорю! — прикрикнула Вера Аркадьевна, принимая сверток. — Герой-любownik, тоже мне. Стоят тут, воздух греют. Марш отсюда оба, мешаетесь! Ему покой нужен, а не ваши гормоны.

Последнее слово ударило Альбину под дых. Она испуганно вскинула глаза на Никиту. Тот невозмутимо пожал плечами, сунул руки в карманы спортивных штанов и совершенно спокойно кивнул:

— Понял, Аркадишна. Мы домой. Вечером загляну, узнаю, выжил ли пациент.

Он развернулся и пошел прочь, в сторону пятиэтажек, слегка прихрамывая на правую ногу — видимо, старая футбольная травма дала о себе знать. Шел ровно, уверенно, ни разу не обернувшись. Будто минуту назад между ними не висело в воздухе электричество, способное расплавить весь этот проклятый июльский асфальт.

Альбина осталась стоять столбом посреди тротуара, прижимая к груди холодную бутылку с недопитым энергетиком. Внутри всё горело.

Вера Аркадьевна закончила осматривать голубя, выпрямилась, сняла очки и внимательно посмотрела на девушку поверх оправы. — Что встала, Семёнова? Оглохла? Иди умойся, вся красная, смотреть страшно. И скажи своему Валерьевичу, пусть йод купит, а то разукрасили парня, смотреть жалко.

Альбина открыла рот, чтобы спросить, откуда она знает фамилию Ника, но поняла, что ответ очевиден: весь город знал местного футбольного вратаря.

Она проводила взглядом машину скорой ветеринарной помощи, которая скрылась за поворотом, подняла с земли свой тяжелый рюкзак и пошла домой.

Лифт, как назло, не работал. Альбина пешком поднялась на седьмой этаж. На площадке между четвертым и пятым этажами она остановилась, оперлась рукой о перила и беззвучно рассмеялась, уткнувшись лбом в холодный металл.

Первая любовь оказалась похожа на солнечный удар. Больно, горячо, кружится голова, и абсолютно непонятно, как теперь дышать этим раскаленным воздухом дальше. Особенно зная, что завтра утром он выйдет из подъезда, забросит сумку на плечо и снова станет просто Никитой Валерьевичем — капитаном сборной, королем дворового футбола и мастером игры в дурака.

А она останется Альбиной Семёновой, девочкой-отличницей, которая умеет лечить птиц, петь вторым сопрано и отчаянно краснеть от одного случайного касания пальцев. По крайней мере, так думала она сейчас, доставая из кармана джинсов ключи и вставляя их в замок своей двери. О том, что правила этой новой игры изменились навсегда, она старалась пока не думать. Иначе следующий урок химии она точно сорвет, потому что вместо валентности будет видеть перед глазами только тень от его ресниц.

Глава 2. Четыре туза и одно правило

Правило номер один, которое Альбина Семёнова установила для себя в свои шестнадцать лет: если хочешь сохранить рассудок — не оставайся с Никитой Валерьевичем наедине после заката.

Но правила существуют для того, чтобы их нарушать. Особенно когда мама работает во вторую смену до десяти вечера, а у тебя дома сидит кот по кличке Пломбир со свежeproоперированной лапой, которому нужен строгий постельный режим. А Никита — единственный человек во дворе, способный удержать этого пятикилограммового наглеца, пока тот пытается содрать швы.

— Только лапы от него держи подальше, — строго сказала Альбина, протягивая Нику толстые кожаные перчатки сварщика. Она купила их специально для таких случаев за триста рублей в хозяйственном. — Он шипит, плюется и кусается. Характер как у завуча Маргариты Степановны.

Никита натянул перчатку, хрустнув суставами. В свете настольной лампы его синяк под глазом казался почти черным, переходя на скулу густым фиолетовым цветом. Футбол остался во вчерашнем дне, сегодня была жесткая тренировка по волейболу.

— У меня реакция получше, чем у твоего кота, Белка, — ухмыльнулся он, но голос прозвучал тише обычного. — Иди уже капай ему капли. Я страхую.

Пломбир действительно оказался сущим наказанием. Он извивался, орал дурным голосом и пытался впиться пластиковой перчатке в запястье. Альбина сидела верхом на мохнатом теле, фиксируя задние лапы, пока Никита железной хваткой удерживал передние и голову. От него пахло тем же, что и вчера на остановке — разогретой кожей спортзала и мятной жвачкой, только теперь этот запах был опасно близко, заполняя всё пространство её маленькой комнаты.

— Левый глаз красный, — констатировал Никита, щурясь. — Конъюнктивит? Или просто недоволен жизнью? — Это породное, скоттиш-фолд, — пропыхтела Альбина, аккуратно выдавливая вязкую жидкость из пипетки. — Плюс сквозняк от твоей матери, которая вечно открывает балкон настежь. Всё, отпускай. Синхронно. Раз-два!

Они одновременно разжали руки. Кот пулей вылетел из-под одеяла, метнулся под кровать и оттуда продолжил угрожающе гудеть, как трансформаторная будка.

Альбина рухнула спиной на свою заправленную тахту, раскинув руки. Потолок плыл перед глазами. — Спасибо. С меня шоколадка. «Алёнка», твоя любимая.

Никита стянул перчатку и бросил её на стул. Сел на край компьютерного кресла, крутя предмет в руках. Кожаный палец перчатки нелепо торчал вверх.

— Альб, — начал он, глядя куда-то на корешки книг Достоевского и Тургенева, выстроившихся на полке идеально ровно. — Мы должны поговорить.

Сердце пропустило удар. Вот оно. Сейчас он скажет, что на остановке перегрелся. Что это было помутнение, ошибка, солнечный удар. Что они друзья детства, соседи, напарники по спасению голубей, и портить это глупостями нельзя.

— О том, что Вера Аркадьевна звонила? Голубь оклемался, она утром отпустит его в сквер, я уже узнал, — быстро выпалила она, садясь на кровати и подтягивая колени к груди. Защитная поза. — Так что инцидент исчерпан. Можешь идти, твои бутсы в коридоре сохнут, ты их вчера так и не вымыл от глины.

— Да при чем тут птица, — поморщился Никита. Он наконец посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд был тяжелым, изучающим, совсем не таким, как обычно. — Я про то, что произошло между нами. Ты собираешься делать вид, что ничего не было?

В комнате стало жарко. Старый советский холодильник на кухне вдруг громко щелкнул реле, заставив обоих вздрогнуть. Альбина почувствовала, как предательски теплеют уши.

— Я... я не знаю, — честно призналась она. Голос сел до шепота. — А мы можем сделать вид?

Он горько усмехнулся, качнувшись на шатком офисном кресле. — Не получится. Я пробовав весь день. На алгебре вместо иксов представлял твой нос в веснушках. На тренировке подавал мяч и думал о том, какие у тебя холодные пальцы, хотя на улице плюс тридцать. Я пытался играть в карты с пацанами в дурака, чтобы отвлечься, и проиграл Лёхе Смирнову три партии подряд, потому что смотрел не в масть, а на часы, думая, скоро ли семь, чтобы пойти сюда.

Альбина сглотнула. Ей казалось, что каждый его выдох физически касается её кожи. — У тебя игра завтра, — ляпнула она первое, что пришло в голову, лишь бы заполнить эту оглушительную тишину. — Тебе нужно выспаться. И приложить холодное. Губу разбили? — Ерунда, — отмахнулся он, машинально коснувшись нижней губы. — Мажу этим вашим левомеколем. Слушай, давай без вот этого. Без отличницы. Скажи нормально. Я тебе нравлюсь? По-настоящему. Не как сосед, который может шкаф передвинуть или кран починить.

Это был шах и мат. Прямой вопрос, заданный в лоб. Никаких шахматных многоходовок, которыми он славился. Просто открытая карта.

Она посмотрела на его разбитую губу, на синяк, на широкие плечи, которые сейчас сгорбились в неудобном кресле, и поняла, что лгать бесполезно. Ни ему, ни себе.

— Нравишься, — выдохнула она. — Очень. Наверное, уже год. С того момента, как ты принес мне домой моего попугая Кешу, когда тот улетел, и сидел два часа на дереве, обматерив половину дворовых бабушек, пока он не спустился к тебе на плечо. Но ты же... ты солнце, Ник. Ты везде. Капитан, лучший нападающий, тебя хотят все девочки из одиннадцатого. А я кто? Девочка с птицами. Та, кого просят посидеть с младшим братом, пока бегает на свидания. Если мы... если у нас что-то начнется, а потом ты поймешь, что тебе нужна другая...

Она осеклась. Глаза защипало. Только не плакать. Перед Никитой Валерьевичем — никогда.

Он молча поднялся с кресла. Пол скрипнул под его весом. Альбина инстинктивно сжалась, ожидая чего угодно: неловкого похлопывания по плечу, дежурной фразы «ты очень классная, дело не в тебе» и быстрого ухода в коридор.

Но Никита обошел тахту, выключил верхний свет, оставив только тусклую желтую лампу на столе, и лег рядом. Не вплотную, нет. Между ними оставалось сантиметров сорок прохладного хлопка простыни. Он заложил руки за голову и уставился в потолок, точно такой же, как у неё.

— Во-первых, — спокойно сказал он, глядя на трещинку в штукатурке над люстрой. — Попугай Кеша материл бабушек сам. Я просто переводил. Во-вторых, те девочки из одиннадцатого обсуждают мои кроссовки и то, какую машину отец подарит на восемнадцатилетие. Мне с ними скучно, Альб. Они смеются, когда я достаю доску с шахматами. Говорят, что дедушкин спорт.

Он повернул голову. В полумраке его профиль казался резким, взрослым. — А ты смеешься, когда я пытаюсь изобразить ферзя конем, потому что он похож на собаку, которая ищет след. Ты единственная, кто знает, что мой правый мизинец не сгибается до конца из-за старой травмы, и поэтому я всегда прячу правую руку в карман, когда волнуюсь. Ты знаешь, что я ненавижу овсянку, но каждое утро съедаю тарелку, потому что тренер заставляет.

Он сделал паузу, перевел дыхание. — Мне не нужно солнце, Белка. От солнца слепнут. Мне нужен кто-то, кто видит в темноте.

Его рука медленно, давая ей тысячу возможностей остановиться, двинулась в пространстве между ними. Нашла её ладонь. Его пальцы были горячими и сухими, мозоли от волейбольного мяча царапнули её кожу. Он переплел их пальцы. Простое касание, но Альбине показалось, что внутри нее разом включили всё электричество города.

— Значит, договорились? — тихо спросил он. — Никакой дружбы детства. Никаких соседей. Попробуем? — А если проиграем? — прошептала она, сжимая его ладонь так сильно, как только могла. — В дурака можно играть бесконечно, — улыбнулся он уголком рта. — Главное — вовремя сбросить карту. Я сбрасывать не собираюсь. У меня вообще четыре туза на руках.

Он осторожно потянул её руку на себя. Альбина перевернулась на бок, лицом к нему. Теперь их разделяло еще меньше пространства. Она видела каждую ресницу вокруг его серых глаз.

— Альбин, — его голос стал ниже на октаву, потерялся где-то в горле. — Можно?..

На этот раз никто не приехал на старой «Ниве». Никто не хлопнул дверью в подъезде. За стеной у соседей работал телевизор — передавали прогноз погоды, обещая аномальную жару на всю неделю.

Никита наклонился. Медленно, давая ей время отстраниться.

Первый поцелуй оказался совсем не таким, как в кино. Не было фейерверков или музыки ангелов. Было шершавое тепло его разбитой губы, солоноватый привкус (кровь до конца не запеклась), колючая щетина, о которую она чуть не оцарапала кончик носа, и оглушительный стук собственного сердца, отдававшийся пульсацией в кончиках пальцев. Он целовал её неуверенно, даже немного робко, словно боялся сломать, смешивая спортивную напористость с мальчишеской осторожностью. Когда воздуха начало не хватать, он отстранился буквально на миллиметр, не разрывая контакта полностью.

— Шах, — выдохнул он ей в губы. — Мат, — ответила она, притягивая его обратно за затылок, зарываясь пальцами в его жесткие волосы и забывая, как правильно дышать.

Где-то далеко внизу, во дворе, сигналила машина, требуя убрать чей-то транспорт. Но в комнате Альбины Семёновой существовала только эта тахта, желтый круг света от настольной лампы и рука семнадцатилетнего парня в её ладони.

Она понятия не имела, как теперь учить интегралы, готовиться к олимпиаде по биологии и объяснять маме, почему её учебник химии лежит под подушкой вместе с фотографией школьной сборной по футболу. Но впервые в жизни мысль о завтрашнем дне не вызвала у перфекционистки Альбины никакого страха. Потому что завтра наступит через четырнадцать часов, а сегодняшний вечер принадлежал им двоим. До самого последнего луча заходящего июльского солнца.

Глава 3. Закон сообщающихся сосудов

Утро началось не с будильника, а с запаха пригоревшего молока и паники. Альбина стояла у плиты в одной футболке, судорожно размешивая манную кашу для Пломбира. Кот после вчерашнего стресса требовал деликатного питания, а сама Альбина забыла позавтракать — всё внутри до сих пор мелко вибрировало от воспоминаний о желтом свете настольной лампы. — Семь утра, — констатировал Никита, появляясь на кухне бесшумно, как дворовая кошка. Он был уже одет в школьные брюки и свежую рубашку. От него пахло мятным зубным порошком и чужим мужским одеколоном из ванной её отца. — Белка, ты зачем чугунную сковородку под молоко взяла? Она же греется неравномерно. Дай сюда лопатку, ты сейчас угли со дна поднимешь. Он мягко, но уверенно забрал у неё деревянную ложку. Его пальцы накрыли её руку всего на секунду, но этого хватило, чтобы каша отошла на второй план. Вчера они уснули только в третьем часу ночи, перешептываясь через тонкую перегородку между их балконами. Договорились встретиться в семь утра «на нейтральной территории» — то есть на лестничной клетке, потому что появляться перед родителями заспанными и счастливыми было слишком рискованно. Но Никита пришел ровно в шесть пятьдесят восемь. И теперь хозяйничал на её кухне так, будто делал это последние лет десять. — Ты чего такой идеальный? — спросила она, наблюдая, как он виртуозно доводит кашу до нужной консистенции. Ни одного комочка. — У вас сегодня игра за город? — Сегодня контрольная по профильной математике, — хмыкнул он, выкладывая вязкую массу в кошачью миску. — А потом тренировка. Я вообще-то тоже должен быть отличником, просто учителя физкультуры боятся ставить мне двойки, когда я смотрю на них вот так. Он скорчил зверскую рожу, выпучив глаза. Альбина фыркнула, подавляя улыбку. Этот контраст сбивал с толку: вчера вечером он целовал её так, что подгибались колени, а сейчас строит гримасы над тарелкой с манкой. — Держи, пациент, — Никита поставил миску на пол. Пломбир, услышав стук фарфора, вылетел из комнаты Альбины, проигнорировал спасителя и принялся жадно чавкать. — Слушай, насчет вечера... Его голос стал серьезным. Он оперся бедром о край кухонного гарнитура, скрестив руки на груди. На шее, чуть ниже уха, Альбина заметила маленькую родинку, которую раньше никогда не видела. — Мои будут дома поздно. Отец повез мать к тетке на дачу. Старший брат свалил на смену. Квартира пустая часов до девяти. Приходи ко мне. Посмотрим кино. Нормальное, без птиц и интегралов. Я даже пиццу закажу. Сердце сделало радостный кульбит, но разум — вечный контролер Альбины Семёновой — тут же включил сирену. — Ник, твоя мама убьет меня, если узнает, что мы... ну... закрылись в твоей комнате. Моя мама тоже. Мы вчера едва успели закончить, пока соседи телевизор смотрели. Давай лучше в парке? Или в библиотеке. Там тихо. Никита закатил глаза и подошел вплотную. Пространство кухни вдруг стало крошечным. Он навис над ней, упираясь ладонью в холодильник рядом с её плечом. — В библиотеке нельзя кусаться, Белка. А мне понравилось тебя кусать. Идем. Обещаю вести себя прилично первые сорок минут. Потом — как пойдет. Это называется «планирование», учись, золотая медаль. Школа встретила их липкой духотой коридоров. Летом сдавало позиции осени только по календарю, асфальт снаружи плавился, а старая система вентиляции гимназии работала исключительно на бумаге. Они договорились играть роль «просто соседей». Никаких держаний за руки на переменах, никаких взглядов дольше трех секунд. Для всех остальных Никита Валерьевич шел по коридору сквозь расступающуюся толпу поклонников, а Альбина Семёнова спешила в библиотеку менять учебники. Но физика не подчиняется общественным договоренностям. Существует закон сообщающихся сосудов: если уровень жидкости в одном резко повышается, во втором он неизбежно падает. Рядом с Никитой Альбину штормило. Уровень адреналина повышался, а концентрация внимания падала до нуля. На большой перемене случилась катастрофа. Машка Соколова — главная красавица параллели, обладательница идеальных локонов, брендовой одежды и папы-

депутата — поймала Ника возле расписания. Она преградила ему дорогу, томно вздыхая и поправляя лямку рюкзака сползшим пальчиком. — Никитос, выручай. Мне задали эссе по истории про Сталинградскую битву, а я в этих танках путаюсь. Поможешь? Можно у тебя дома посидеть, вечером? Мама привезет нам роллы. Весь этаж замер. Десятки глаз уставились на эту сцену. Машка смотрела на Ника снизу вверх своими огромными голубыми глазами. Любой другой парень в школе продал бы душу дьяволу за такое предложение. Никита молчал. Взгляд его скользнул поверх головы Машки и встретился с глазами Альбины, которая в этот момент пыталась открыть тугой замок шкафчика в раздевалке. Их разделяло метров двадцать толпы, но воздух между ними словно загустел. Если бы это была шахматная партия, Никита попал бы в вилку. Слева — социальная выгода, статус, самая красивая девочка школы. Справа — девчонка с вечно растрепанным хвостом, котом в перчатке сварщика и ртом, который сводит с ума. Он медленно перевел взгляд обратно на Машку. — Извини, Соколова, — сказал он громко, так, чтобы слышала половина этажа. — Вечером никак. Ко мне двоюродная сестра из Тулы приехала. Будем учить её играть в дурака. Правила там сложные, знаешь ли, требует полной концентрации. Семейное дело. Сказал и пошел дальше, бросив расписание прямо на подоконник. Машка осталась стоять с открытым ртом, напоминая выброшенную на берег рыбу. Толпа разочарованно выдохнула и потекла дальше по своим делам. Альбина закрыла дверцу шкафчика. Руки дрожали то ли от злости на Машку, то ли от шока. Двоюродная сестра из Тулы? Серьезно? Они оба знали, что никакой сестры нет. Она догнала его уже у кабинета химии. Схватила за рукав рубашки, затащила в темную лаборантскую, заставленную колбами и запахом нашатыря, и плотно прикрыла дверь. — Ты больной? — прошипела она, глядя на него горящими глазами. — Какая сестра из Тулы?! Теперь вся школа решит, что я настолько страшная, что ради меня отказываются от самой Соколовой! Меня же сожрут на месте! Никита прислонился спиной к стеллажу с реактивами. Выглядел он абсолютно спокойным, только кадык дернулся. — Не сожрут. Во-первых, ты не страшная. Ты вчера искусала мне нижнюю губу почти до крови, террористка. Во-вторых, пусть думают что хотят. Если бы я согласился, ты бы сейчас возненавидела меня сильнее, чем свою манную кашу. Разве нет? Он был прав. Логика убийственная. Альбина почувствовала, как гнев уходит, оставляя место чему-то теплему и щемящему. Она тяжело вздохнула, опираясь рукой о соседнюю полку. Между их лицами оставалось сантиметров пятнадцать. — Возненавидела бы, — призналась она, опуская плечи. — Но папа-депутат и роллы звучат очень убедительно. Я всю ночь думала, что ты просто терпишь меня, пока тебе скучно. Что это летний романчик. Развлечение чемпиона перед финалом. Никита протянул руку и заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос. Жест получился неожиданно нежным, совсем не спортивным. — Белка, чемпион тратит два года, чтобы пробежать сто метров быстрее всех на долю секунды. Думаешь, я буду тратить наше время на «летние романчики»? У меня выпускной класс. Мне поступать. Мне некогда размениваться на дурочки, которые считают историю набором дат. Мне нужна та, кто объяснит разницу между Кутузовым и Барклаем-де-Толли, если я попрошу. И подержит кота. Он сделал шаг вперед, сокращая расстояние. Положил свои ладони ей на талию поверх форменной юбки. Жар его рук чувствовался даже через плотную ткань. — Кстати, о времени, — его голос снова упал до низкого бархатного шепота. — Контрольная через три минуты. А Соколова стоит в коридоре и пытается понять, почему лучший игрок района выбрал теоремы вместо её роллов. Это мой шах. — А где мат? — выдохнула Альбина, цепляясь пальцами за его плечи, чтобы не упасть. Коленки предательски слабели. — Мат будет вечером, — ухмыльнулся он. — Когда придет твоя мифическая сестра из Тулы. Беги на химию, Семёнова. У тебя там всегда пятерка, прикроешь мою двойку списыванием на следующей неделе. По-братски. Он быстро чмокнул её в кончик носа, развернул за плечи и подтолкнул к двери класса. Альбина вошла в кабинет химии, села за первую парту и открыла тетрадь. Руки всё еще пахли нашатырем и счастьем. Весь урок она слушала монотонный голос учительницы про валентность, но видела перед собой только серые глаза парня,

который только что публично отказался от главной королевы школы ради девочки, умеющей лечить голубей. И впервые в жизни формула $H_2SO_4H_2SO_4H_2SO_4$ показалась ей самым красивым стихотворением на свете.

Глава 4. Чужая территория

Ключ в замке повернулся со звуком, похожим на выстрел стартового пистолета.

Альбина стояла в полутемной прихожей квартиры Валерьевичей и боялась выдохнуть. Здесь всё было иначе. Не так, как у неё — где обои с мелким цветочным принтом выпцвели на солнце, а воздух пах котом, корвалолом бабушки и яблочным пирогом. У Никиты пахло дорогим мужским парфюмом его отца, кожей дивана из каталога и озоном от работающего кондиционера. Это была территория взрослых людей, которые точно знают, чего хотят от жизни.

— Проходи, не топчись на коврик, — Никита втянул её внутрь за руку, щелкнул замком и для верности накиннул цепочку. — Предки звонили, будут к девяти. У нас два часа форы. Иди сразу в мою комнату, я сейчас чайник поставлю. Пицца через двадцать минут.

Он подтолкнул её в сторону длинного коридора. Альбина сделала несколько шагов по идеально ровному паркету, чувствуя себя шпионом в стане врага. На стенах висели фотографии: вот Никита маленький на плечах у отца, вот он же получает какую-то золотую медаль на татами, вот команда сборной школы — все улыбаются, обнявшись, а он стоит чуть впереди, положив руки друзьям на плечи. Ни одной кошки. Ни одного цветка в горшке. Сплошной тестостерон и достижения.

Комната Ника ударила по рецепторам смесью порядка и хаоса. Кровать заправлена армейским углом — ни единой складочки. Учебники на столе сложены в идеальную стопку. Но поверх этой стерильности валялись футбольные щитки, пара вонючих носков перекинута через спинку компьютерного кресла, а на мониторе ноутбука мигал открытый пасьянс «Косынка».

— Порядок, да? — Никита вошел следом, ногой заталкивая спортивную сумку под стол. — Мать раз в неделю устраивает рейд с тряпкой. Я просто смирился и перестал сопротивляться. Раздевайся, жарко.

Он стянул через голову свою футболку, оставшись в одних спортивных штанах. Альбина резко отвернулась к окну, щеки вспыхнули. Видела она его торс и раньше — во дворе, когда они играли в волейбол или он чинил свой велосипед. Но тогда между ними были метры воздуха и статус соседа. Сейчас их разделял только запах чистоты и бьющееся стекло.

— Я нормально... то есть мне не жарко, — пискнула она, намертво вцепившись пальцами в лямки своего рюкзака.

Никита тихо рассмеялся. Этот смех вибрировал в воздухе, низкий и какой-то собственнический. — Белка, расслабься. Я тебя уже видел. Почти без всего. Вчера ночью ты вообще пыталась отобрать у меня одеяло, хотя на градуснике было плюс тридцать. Садись, пока я добрый.

Он кивнул на кровать. Альбина слотнула и села на самый краешек, выпрямив спину, словно проглотила линейку. Никита опустился рядом, пружины матраса жалобно скрипнули. Расстояние сократилось до минимума. Он протянул руку к её лицу, заставляя посмотреть на себя.

— Ты всегда такая напряженная, когда тебе хорошо? — спросил он мягко. — У тебя даже уши красные. Как помидоры. — Потому что это неправильно! — выпалила она, вскакивая с кровати. Энергия страха требовала выхода, и она начала мерить шагами пространство комнаты. — Мы сидим у тебя дома. Родители приедут через час. Моя мама думает, что я пошла помогать бабушке-соседке носить банки с огурцами в погреб! А я прячусь здесь с парнем, который ходит по квартире полуголый! Если кто-то узнает...

— Кто? — перебил он, тоже поднимаясь. Теперь он возвышался над ней, заслоня собой свет люстры. — Соколова? Она сегодня рыдала в туалете после того, как физрук поставил ей три за нормативы. Ей не до нас. Твоя мать? Она доверяет тебе больше, чем себе. Единственный

человек, которому есть дело до твоей репутации, Семёнова — это ты сама. Сядь. Нам нужно поговорить.

Тон изменился. Исчезла игривость. Осталась тяжелая, взрослая серьезность семнадцатилетнего парня, который привык принимать решения на поле за доли секунды.

— О чем? — прошептала Альбина, снова опускаясь на край кровати. Коленки предательски дрожали.

— О том, почему мы ходим кругами, — Никита присел перед ней на корточки, беря её ледяные ладони в свои горячие. — Посмотри на меня. Вчера мы целовались в лаборантской так, что химичка наверняка учуяла запах серы сквозь дверь. Сегодня днем я публично послал Машку Соколову ради твоего кота в варежке. Что еще должно произойти, чтобы ты перестала ждать подвоха?

— Ты спортсмен, Ник, — голос Альбины дрогнул. Она смотрела на родинку на его шее, боясь поднять глаза выше. — Вы играете матч. Девяносто минут. Выдохся — ушел на замену. Я боюсь быть для тебя такой заменой. Пока лето, каникулы, делать нечего... А потом начнется учеба, сборы, новые девочки. Те, которые умеют правильно краситься и ходят на каблуках, а не те, у которых джинсы вечно в кошачьей шерсти.

Никита слушал молча, не перебивая. Его пальцы начали массировать её ладони, разгоняя кровь. От этого простого действия мысли путались окончательно.

— Дура, — сказал он беззлобно, когда она закончила. — Я ненавижу каблуки. От них ноги болят смотреть. А твоя шерсть на джинсах — это лучшее, что случалось с моими нервными окончаниями. Знаешь, почему я люблю шахматы больше, чем футбол?

Он наконец поднял взгляд. Глаза потемнели, зрачки расширились, затягивая в черную глубину. — Потому что в шахматах фигуры нельзя заменить по ходу игры. Если ты вывел ферзя, ты будешь защищать его до последнего. Даже если вокруг горит доска. Ферзь может ходить куда хочет, он сильнее всех, но он один. И если его потерять — партия проиграна.

Его лицо оказалось совсем близко. — Ты мой единственный выход в эндшпиль, Белка. Другого нет.

Входная дверь внизу громко щелкнула. Щелчок замка прозвучал в тишине комнаты как гром.

— Это консьержка, этажом ниже зашла, — хрипло сказал Никита, но сам напрягся. — Или?..

Снизу раздался характерный лязг лифта, остановившегося на их площадке. Шаги. Двое. Мужские, тяжелые, и женские, легкие, цокающие каблучками.

— Десять часов вечера, — констатировала Альбина мертвенно-бледным голосом. — Они обещали в девять. Мама убьет меня. Твоя мама убьет тебя. Нас обоих похоронят в одном гробу, обложив учебниками по алгебре.

Никита среагировал мгновенно. Так, как делал это на воротах, когда в него летел мяч. — Окно. Там карниз. Переползешь ко мне в спальню, там балкон смежный с гостиной, спустишься по трубе. Живо! — Я упаду! Меня ветром сдует, тут девятый этаж! — взвизгнула Альбина, глядя вниз, на далекий серый асфальт двора.

Лифт остановился. Звонок в дверь разрезал панику пополам.

— Думай быстрее, чемпион! — крикнула она, хватая с пола свой рюкзак. — Мне конец!

Никита посмотрел на её перепуганное лицо, на съехавшие очки, на сжатые в ужасе губы. И вдруг расхохотался. Громко, заливисто, запрокинув голову. Смех был совершенно неуместным посреди надвигающейся катастрофы, но таким настоящим, что Альбина замерла.

— Ты рехнулся?! — зашипела она. — Открывай им рот, изображай кашель!

— Стой, — он поймал её за запястье, притягивая обратно к кровати. — Никто никого не будет спускаться по трубам. Снимай кроссовки. Быстро.

Альбина ошалело подчинилась. Никита схватил её обувь, забросил под кровать, туда же отправил её рюкзак. Затем дернул на себя покрывало и набросил его сверху, укутывая девушку почти с головой.

— Лежи. Не дыши. И главное — улыбайся, — прошептал он прямо в ткань, обжигая дыханием её ухо.

Дверь в комнату распахнулась. На пороге стоял Валерий Игоревич — отец Никиты, огромный мужчина с плечами штангиста и лицом прокурора. Рядом маячила высокая блондинка с идеальным маникюром — Елена Павловна.

— Сын, мы решили не ехать... — начал отец, осекаясь. — Ого. У нас гости?

Никита сидел на полу возле кровати, небрежно опираясь спиной о матрас. Одной рукой он лениво тасовал колоду карт. Второй придерживал край покрывала, которым была накрыта невидимая гора.

— Да, пап, мам, знакомьтесь, — произнес он абсолютно спокойным тоном, будто они обсуждали прогноз погоды. — Это Альбина. Семёнова. Из параллельного. Пришла геометрию учить. У нее родители строгие, сказали сидеть здесь, пока не решим задачу номер четыреста двенадцать. Со звездочкой. Про вписанные окружности. Садитесь, сейчас чай будем пить. Белка, вылезай, поздоровайся.

Он слегка тряхнул покрывало. Альбина, красная как свекла, высунула нос наружу.

Елена Павловна удивленно приподняла бровь, переводя взгляд с растрепанной дочери соседей на своего сына, который выглядел подозрительно довольным жизнью. — Геометрию? — переспросила она. — В темноте? Под одеялом? Никита, милый, обычно для таких задач используют письменный стол. И включенный свет.

Валерий Игоревич кашлянул, пряча усмешку в густые усы. — Ну-ну. Задача со звездочкой, значит. Сложная попалась? Может, вам помочь? Я в молодости интегралы неплохо брал.

— Папа! — возмутился Никита, швыряя карты на пол. Карты рассыпались веером по ламинату. — Человек пришел делом заниматься, а вы тут с шуточками. Белка, доставай тетрадь. Показывай им свой позор в доказательствах.

Альбина выползла из-под покрывала полностью. Сидеть на кровати в присутствии этих двух статуй было невыносимо. Она встала, одергивая задравшуюся юбку. — Здравствуйте. Простите, пожалуйста, мы действительно увлеклись. Формулы такие интересные... Особенно синус альфа.

Она понимала, что несет абсолютный бред, но мозг отказывался работать. Единственное, на чем держалось её сознание — это рука Ника, которая незаметно легла сзади на её поясницу, согревая сквозь тонкую ткань блузки. Большой палец медленно, успокаивающе рисовал круги на ее копчике. *«Спокойно, ферзь. Я держу доску»*, — говорил этот жест.

Родители переглянулись. В глазах Елены Павловны плясали опасные смешинки. — Синус, значит. Понятно. Ребята, ужин остыл, пиццу привезли. Никита, проводишь потом гостью? Поздно уже. И окно откройте, дышать нечем, надышали своими формулами.

Они вышли, плотно прикрыв за собой дверь.

Выждав ровно десять секунд, Никита рухнул на кровать рядом с Альбиной, закрыв лицо руками. Его плечи тряслись от беззвучного смеха. — Ты видела лицо моего отца? Он реально подумал, что мы тут теорему Ферма доказываем голыми руками!

Альбина посмотрела на свои колени, на разбросанные по полу карты (там лежал кривой крест из тузов), потом на закрытую дверь. — Твой папа предложил мне помочь с интегралами, — убитым голосом сказала она. — Я ответила про синус. Никита, я испортила твой семейный вечер. Твоя мама считает меня сумасшедшей отличницей-извращенкой.

Никита убрал руки от лица. Сел ближе, прижимаясь плечом к её плечу. — Моя мама преподает историю искусств в университете, Белка. Её студенты вытворяют вещи похуже изучения синусов под одеялом. Она просто поняла, что война проиграна. Кстати, про войну...

Он дотянулся до брошенной колоды, ловким движением пальцев собрал карты в одну стопку и перетасовал их профессиональным щелчком. — Раз уж нам официально разрешили находиться в одной комнате до прихода моих предков, грех терять время. Ставка прежняя. Кто проигрывает — завтра идет в школу с нарисованной ручкой татуировкой на лбу. Готова сдаваться, ферзь?

Он протянул ей половину колоды.

Альбина посмотрела на его смеющиеся серые глаза, на разбитую губу, на эту наглую, счастливую улыбку. Внутри вместо привычного страха впервые шевельнулось что-то другое. Азарт.

Она взяла карты. Твердо посмотрела ему в глаза поверх бумажного края. — Играем до трех побед, Валерьевич. И учти, я вчера подсмотрела, как ты прязеешь туза в рукав. Больше этот фокус не пройдет.

И в этот момент, сидя на огромной кровати чемпиона района под взглядом портрета олимпийского призера-отца, висящего на стене, Альбина Семёнова впервые почувствовала себя не самозванкой в чужом мире. Она почувствовала себя дома.

Глава 5. Джокер в рукаве

Никита проиграл с разгромным счетом.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к кровати Альбины, и мрачно рассматривал свое отражение в экране выключенного смартфона. На его лбу зеленкой было коряво выведено: «Я # ПЛОМБИР». Буква «П» получилась особенно жирной — у Альбины дрогнула рука от смеха, когда она выводила этот шедевр каллиграфии, пока он спал, уткнувшись лицом в подушку после третьей партии.

— Это химический ожог второй степени, — трагическим голосом сообщил Никита. — Завтра меня выгонят из школы за порчу государственного имущества. Физрук увидит это и заставит мыть полы в спортзале до выпускного.

— Перестань драматизировать, — Альбина сидела рядом, скрестив ноги по-турецки. В её руках была щетка для одежды, которой она пыталась спасти свою единственную приличную блузку от кошачьей шерсти, принесенной из дома. — У тебя спиртовая зеленка, к физре отмоешь. Зато я узнала, что ты хранишь, если уснуть после пиццы пепперони. И что твой старший брат прячет в коробке из-под печенья коллекцию фишек из казино девяностых.

— Я не храплю! — возмутился он, пытаясь стереть надпись тыльной стороной ладони. Краска только размазалась, добавив к зеленым буквам грязно-серый ореол. — Это называется «глубокое мужское сопение победителя». А про брата молчи. Если отец найдет эти фишки, мне придется играть в дурака уже с конвоирами.

В комнате пахло остывшим сыром, мятой и чем-то неуловимо своим. За окном окончательно стемнело, во дворе зажглись желтые фонари, бросая на потолок комнаты длинные дрожащие тени. Родители Никиты вернулись ближе к одиннадцати, но вели себя подозрительно тактично: папа громко смотрел футбол в гостиной, мама звенела посудой на кухне, делая вид, что понятия не имеет, почему дверь в комнату сына закрыта на замок, а оттуда доносится сдержанное хихиканье.

— Белка, — Никита вдруг перестал тереть лоб и повернулся к ней. Свет от монитора падал на его лицо снизу, делая синяк под глазом почти черным, а взгляд — серьезным. — Почему ты вчера сбежала?

Альбина замерла со щеткой в руке. Она думала, что они закрыли эту тему утром, когда он поймал её у подъезда и сунул в руки недоеденный круассан. — Потому что твоя мама зашла пожелать спокойной ночи, — тихо сказала она. — Она улыбнулась мне, назвала «деточкой» и спросила, не нужно ли мне постирать кофточку. Я почувствовала себя... экспонатом. Девочкой из соседней квартиры, которую привели показать родителям, чтобы сын наконец взялся за ум перед ЕГЭ. Как будто мы играем в семью.

Она отложила щетку и обхватила колени руками. Признаваться в этом было стыдно, но тишина давила. — Ты там такой... настоящий хозяин. А я гостья. Которую скоро попросят снять тапочки.

Никита медленно поднялся с пола. Он был выше её на полголовы даже когда они оба сидели. Сделал шаг, сокращая расстояние, которое сама Альбина только что выстроила словами. Опустился перед ней на одно колено, как средневековый рыцарь. От неожиданности она чуть не свалилась назад.

— Слушай меня внимательно, Семёнова, — сказал он очень низким, вибрирующим голосом. Его руки легли поверх её сцепленных пальцев. — Мой отец построил этот дом с нуля. Моя мать знает пять языков и может отличить Моне от Мане с закрытыми глазами. Мой брат считает, что жизнь заканчивается, если айфон разряжается ниже двадцати процентов. Они прекрасные люди. Но их мир состоит из графиков, достижений и правильного фарфора.

Он наклонился еще ближе. Их лица оказались на одном уровне. — Мой мир, Белка, последние полгода выглядит так: школа, тренировка, сон. Иногда карты. Всё серое. Понимаешь? Бесконечный серый коридор между кубком района и вступительными экзаменами.

Он расстегнул верхнюю пуговицу на своей рубашке (той самой, в которой пришел сегодня из школы) и дернул вниз воротник майки. Справа над ключицей, там, где кожа была светлее всего, красовалась татуировка. Маленькая, сделанная явно подпольно, недавно — линии были еще немного воспалены. Простая шахматная пешка, выполненная одной черной линией.

— Я набил это месяц назад, — глухо продолжил он. — Тайком от всех. Чтобы помнить. Пешка — самая слабая фигура. Ходит только вперед. Но любая пешка, которая доходит до конца доски... — Становится любой фигурой, — закончила за него Альбина, замороженно касаясь кончиками пальцев свежего рисунка. — Даже ферзем.

— Именно, — кивнул Никита. Он перехватил её руку и прижал ладонь к своей груди, прямо над сердцем. Под тонкой тканью рубашки оно билось быстро и тяжело. — Ты не пришла в мой мир, Альб. Ты просто открыла в нем окно. Из-за тебя здесь теперь пахнет яблоками, страхом за голубей и валерьянкой от кота. Мне не нужна королева в кружевах. Мне нужен тот, кто напомним, зачем вообще ходить этой доской, если всё равно проиграешь времени. Останься. Хоть ненадолго. Не будь вежливой отличницей. Будь моей занозой.

Его губы нашли её рот. На этот раз в поцелуе не было вчерашней осторожности или дневной спешки в лаборантской. Было отчаяние человека, который боится, что сейчас прозвенит будильник и морок развеется. Он целовал её жадно, требовательно, прижимая к себе так сильно, что у Альбины затрещали ребра. Одной рукой он зарылся в её волосы на затылке, фиксируя голову, другой скользнул по спине вниз, притягивая её бедра вплотную к своим.

Мир сузился до этого ковра с геометрическим узором, скрипа пружин старой кровати и вкуса мяты на его языке. Альбина забыла, как дышать. Рациональная часть её мозга, привыкшая раскладывать всё по полочкам и получать пятерки, отключилась, передав управление инстинктам. Она ответила на поцелуй с той же отчаянной смелостью, обвив его шею руками, чувствуя под пальцами жесткие волосы и горячую кожу шеи.

Где-то внизу, нарушая все законы физики и подростковой романтики, оглушительно запищало устройство пожарной сигнализации. К нему тут же присоединился мерзкий писк второго датчика — того самого, который стоял прямо над дверью в комнату Никиты.

Они отскочили друг от друга так резко, словно их ударило током. Дымом не пахло. Зато отчетливо пахло паленой проводкой откуда-то из коридора.

— Твою мать! — Никита метнулся к двери, щелкнул замком и выскочил в гостиную. — Папа! Мама!

Альбина осталась стоять посреди комнаты. Ноги были ватными. Губы горели. Сердце пыталось пробить грудную клетку. Она машинально запахнула блузку, одергивая юбку, и схватила свой рюкзак.

В коридоре слышался топот, звон ключей и голос Елены Павловны: — Господи, Валера, неси огнетушитель из кладовки! Я вызываю ноль-один!

Альбина подбежала к окну, распахнула створку настежь. Свежий ночной воздух ударил в лицо, приводя в чувство. Двор был пуст. Идеальный момент для побега грешницы через кусты сирени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.